

Еще несколько лет назад имя Владимира Максимова, писателя-эмигранта, редактора выходящего во Франции «вражеского» журнала «Континент», если и упоминалось в нашей печати, то лишь в «ругательном» контексте. А в прошлом году, в апреле, когда он после долгого отсутствия первый раз приехал на Родину, его встретили как желанного гостя. Несколько дней назад он снова приезжал в Москву. Уже печатаются в нашей стране его книги, скоро в Москве начнет выходить «Континент»... С В. Е. Максимовым беседуют корреспонденты «Труда».

— Владимир Емельянович, для начала расскажите, пожалуйста, немного о себе.

— Моя судьба типична для людей моего поколения. Родился в Москве, отец был рабочим на салициловом заводе в Сокольниках, а по происхождению он из крестьян. Мать из семьи железнодорожников. В 27-м году отца обвинили в троцкизме и посадили. Это был, так сказать, первый «троцкистский призыв». Вскоре, правда, отца выпустили. Ну а в тридцать третьем взяли надолго. Он вернулся в сороковом году, потом добровольцем ушел на фронт и погиб. Мы жили в то время, как все представители самого низшего социального слоя, то есть крайне нищенски. В сорок пятом году я ушел из дому, и мои скитания по российским дорогам и детским колониям продолжались до сорок девятого года. Совершеннолетие встретил в Шекнинской детской колонии Вологодской области. Когда вышел оттуда, стал работать в колхозе на Кубани.

Писал с восьмилетнего возраста, на Кубани впервые опубликовал свои стихи. Моим первым редактором был Василий Литвинов — сейчас он член редколлегии журнала «Октябрь» по критике. Стихи были опубликованы за подписью «Владимир Максимов, колхозник сельхозартели «Красная звезда». Вскоре меня взяли в районную газету, и с тех пор, с двадцати двух лет, вся моя жизнь связана с газетой, радио, литературой.

Ездил в Киргизию, в Татарию, в Грузию, переводил местных поэтов. На Ставрополье издал свой первый сборник стихов и поставил свою первую пьесу. А здесь уже, в Москве, познакомился с людьми, которые действительно всерьез занимались литературой. Прежде всего с Булатом Окуджавой и с ребятами, работавшими тогда в «Литературной газете», — Бенедиктом Сарновым, Станиславом Рассадным, Георгием Владимовым. Руководил литературным отделом, где я публиковался, Юрий Васильевич Бондарев. И отдел был в те поры очень прогрессивным.

— Вы уже тогда критически относились к отечественной действительности?

— Тогда, в московский период, уже да. А до этого — нет, я к действительности относился индифферентно. Мне казалось: как все у нас происходит, так и должно быть. Так что я отнюдь не могу сказать, что лгал себе или кому-то. Постараюсь пояснить. В колхозе я был прицепщиком, со мною работал тракторист, так сказать, мой «хозяйин» — я ведь на его прицепе сидел. У него четверо детей, двое стариков, дряхлая мать жены все время болеет. Земля там очень хорошая, но все равно — нищета дикая. Так вот, его любимая книга была «Кавалер Золотой Звезды», где как раз воспевалось то самое, из-за чего он бедствовал. Понимаете, каждый думал: это только у меня плохо, а в общем все идет нормально, так, как надо...

Большую профессиональную школу я прошел, работая с прекрасными людьми в «Литгазете». Они мне открыли глаза на то, что такое настоящая литература. Я тогда понял, что литература — не просто способ зарабатывать деньги. Это нечто другое. И кто-то (не помню, кто) сказал мне: да твоя собственная жизнь — готовый литературный сюжет. Пиши о своей жизни. Попробуй. И я попытался. Робко, сначала, так сказать, в допустимых пределах. Я написал первую прозу — повесть «Мы обживаем землю». Она была напечатана в альманахе «Тарусские странички». Ее некоторую литературность смягчил мой личный опыт: я все это пережил, а действительно работал в экспедиции на Таймыре, я хорошо знаю Север. И достоверные реалии помогли стать этой прозе все-таки прозой настоящей. Потом последовал «Жив человек», где тоже была часть моей судьбы. Писатель ведь все время пишет одну книгу — о самом себе. И вот так постепенно я пробивался к тому, что считают литературой. Я не уверен, что до конца пробился, но, во всяком случае, лжи, намеренной или ненамеренной, я себе уже позволить не могу.

— Но есть же одаренные писатели, которые писали и пишут из соображений конъюнктуры. Алексей Толстой не всегда следовал, так сказать, правде жизни. Но ведь талантливо!

— Но он беллетрист все-таки. Мы в нашей среде всегда различали понятия «беллетрист» и «прозаик». Он гениальный беллетрист. Он гениально чувствовал и все, что чувствовал, гениально воспроизводил на бумаге — даже запахи. Он удивительно чувствителен — к краскам, языку. Ко всему, к жизни вообще. И у таких писателей бывают проорывы к небу, к звездам. Но гениальный лжец всегда баланси-

рует на грани саморазоблачений, а то и переходит ее.

Так вот, постепенно я начал что-то понимать в литературе и в конце концов решил написать книгу о судьбе нашей семьи. А главная мысль ее очень простая. Выходец из крестьян, то есть тот человек, для которого практически сделана революция, пришел к выводу, что она просто не состоялась. Зашла в тупик, эксперимент провалился. Начал я эту книгу в шестьдесят седьмом, а кончил в начале семьдесят первого. То, о чем теперь говорят все, я сказал много лет назад. Не знаю, был ли первым, нет, наверное. Но сказал.

— Что значило в те годы быть диссидентом? Оскорбительно это было или, наоборот, льстило самолюбию?

— И то, и другое. Давление на меня носило, надо заметить, сравнительно мягкий характер. Единственная опасность и единственный, что ли, действительно серьезный минус этого положения в том, что ты просто не знал своей судьбы, не знал, что с тобой будет завтра. А матери-

одного, ужасны по своему графоманству публицистика и литературоведение другого. Но зато они «борцы», их борьба привлекает. Вне конфликтов они не чувствуют себя полноценными. И вот такие люди, к сожалению, «заходят», будоражат крупных, действительно одаренных людей и начинают их соответствующим образом настраивать. Так вот, к лучшим, наиболее честным и одаренным я и обращаюсь: может быть, мы все-таки найдем что-то общее, что нас объединит? Объединит нас может одно — сознание общей опасности.

— Но дело в том, что у них и на опасность различные, порой прямо противоположные точки зрения.

— Знаете, в конечном счете опасность — одна и та же. Ведь и те, и другие сознают: раздор в стране может кончиться кровью. В самом воздухе носится угроза и заставляет людей трезветь. Я чувствую эти трезвые ноты в выступлениях ряда писателей. Например, Виктора Петровича Астафьева. Это замечательный, добрый человек. Именно таких людей, которые имеют влияние в обществе, надо привлекать к работе, направленной на достижение гражданского согласия.

— Как родился журнал «Континент»?

— У эмигрантов есть такая присказка: каждый, дескать, приезжает на Запад с одной

Владимир Максимов:

В ОДИНОЧКУ ИЗ БЕДЫ НЕ ВЫСКОЧИТЬ

ально — что ж? Я работал, деньги шли. И люди мне помогали.

Неприятно было то, что у меня возникли невольные контакты с советской психиатрией. Что такое эта психиатрия, вы знаете. К счастью, меня она не успела обработать, руки не дошли. Однако страх перед этой публикой во мне был. К тому же наступил момент, когда я взял на себя ответственность за другого человека, то есть женился. Это тоже прибавило проблем. Это страшней, чем бояться за свою судьбу. Ну вот и решил, что лучше уехать. Подал заявление. Сначала были всякие оттяжки, отказы, но к этой моей «акции» подключились довольно влиятельные люди. Одно имя могу назвать: Юрий Петрович Любимов.

— Очень было горько, когда до конца осознали, что покидаете Родину?

— Очень поддерживали слова Сахарова. Он говорил: кому-то из нас сейчас нужно быть на Западе, кто-то вживе должен говорить, что же происходит в стране. И была надежда, что все-таки через несколько лет мы вернемся, ибо что-то же должно измениться. Уже тогда в верхах, в определенных их кругах, зрело решение, что надо многое в стране круто менять.

— Как вы считаете, вы выполнили миссию, о которой говорил Сахаров?

— По тем временам, считаю, — да, выполнил. До этого, честно говоря, никогда не занимался общественно-политической деятельностью. Последние мои, так сказать, занятия этого рода были на посту редактора стенной газеты в начальной школе. Но, оказавшись на Западе, я стал выступать в защиту Сахарова, в защиту диссидентов, объяснял публично, что происходит у нас в стране: организовывал конференции в защиту Гинзбурга, Буковского, целого ряда других людей.

— Вас не мучило то, что здесь вас называли клеветником, предателем?

— Ну а кто называл? Знаете, Август Бебель говорил: лишь бы враги не хвалили.

— Как вы смотрите сейчас на литературную борьбу — а по сути не только литературную, — которая разделила на группы наших писателей? Есть что-либо подобное на Западе?

— То же самое! Но там, правда, существуют законы, не позволяющие политическим противникам друг друга убивать. Наум Коржавин как-то сказал, что, мол, Запад ли, Восток — везде плохо, где люди есть... Не обязательно, в конце концов, соглашаться с оппонентами, но, учитывая какие-то общие интересы, можно договариваться, достигать консенсуса. И на Западе часто бывают ситуации, когда договариваются и коммунисты, и крайние правые — например, перед лицом общей опасности, как это случилось, к примеру, в годы гитлеровской оккупации. А мы до сих пор не научились подобному сосуществованию, нам обязательно нужно друг другу глотку перегрызть... Среди наших писателей есть люди (не буду называть фамилий), которые как литераторы — полные ничтожества. Чудовищна проза

целью — создать свой печатный орган. Однако у меня мысль о новом журнале возникла еще в России.

— Кто основной читатель журнала?

— Читатель, который понимает с полуслова. Я, думая о таком читателе, вижу перед собой, знаете, чье лицо? Фазиля Искандера, еще кого-то из моих друзей. Ибо знаю их вкусы, интересы.

— Каков круг проблем, которые затрагивает ваш журнал?

— Проблема-то, я должен сказать, одна. Надо все перестраивать на всех уровнях: на экономическом, политическом, культурном. Это может осуществить человек нового типа. В экономике я таких в России уже встретил десятка полтора. Это новый тип делового человека, так называемого «кучка». Именно такие молодые люди делают сейчас «Континент» в России. Это для меня люди незнакомые, но на них моя надежда. И если бы им десяток мирных, спокойных, без потрясений лет на разворот или хотя бы пять! Да жизнь тогда сама себя перестроит, вы только не вмешивайтесь. И все нормализуется. Здоровое в нашем народе не убито, в нем гораздо более мощное начало, чем кажется.

— Как вы относитесь к возможности распада нашего Союза?

— Отрицательно. Смотрите, что получается. Литва перестает вывозить молоко, но, оказывается, корма-то с Украины и Белоруссии поступают. Пуговицы делают в Латвии, а пластмассу для них во Владивостоке. Все вот так повязано... И в одиночку из общей беды не выскочить. Это иллюзия.

— Как вы относитесь к эмиграции?

— Знаете, Дмитрий Михайлович Панин, прообраз Сологодина из книги «В круге первом», говорил: «Лучше 15 лет в лагере, чем 15 лет в эмиграции». Здесь такое напряженное поле: зависть, подозрения, взаимные претензии. Это разрушающее душу состояние — состояние людей побежденных. Сейчас поток эмигрантов из Союза трудно остановить. Какие уж мы рабы, скорее неисправимые авантюристы и романтики. Мне иногда самому совестно: во Франции все африканцы говорят по-французски, а я 16 лет живу в Париже и не говорю. Я занят русской литературой, русским журналом. Все мои знакомые — русские. А если общаюсь с французами, то около меня всегда переводчик. Но если ты один, брошен, как щенок в воду, у тебя ни жены с французским языком, ни детей, ни денег... Как-то я видел фильм. Герой его сбежал из тюрьмы, откуда никак не убежишь. Со всех сторон море, океан. Но он мешок нашел, кокосовые орехи пустые высушил, положил в этот мешок, и они смогли держать мешок на плаву. Он бросил его с обрыва в океан, потом прыгнул сам, поймал мешок, оседлал, и вот последний кадр: ровный, как стол, океан, палящее солнце, человек лежит на мешке на спине, руки и ноги у него в воде, и звучит дикторский текст: «Это и есть свобода...»

Вели беседе
Е. БЕЛОСТОЦКАЯ,
В. КОНСТАНТИНОВ.

296